

В. В. Лапин
ПЕТЕРБУРГ КАК ИМПЕРСКАЯ СТОЛИЦА

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3(2-2СПб)

В статье рассматриваются приемы демонстрации имперских символов в Санкт-Петербурге на основе двух кейсов, условно названных «казарма» и «кладбище». При этом за основу принимается тезис о важности таких признаков империи, как военная мощь, большая территория и разноплеменное население. В первом случае внимание уделено тому, как особенности военной столицы (наличие огромного гарнизона, организация городского пространства в его интересах, различные элементы военной субкультуры, топонимика, архитектура и т. п.) способствовали постоянному напоминанию россиянам и иностранцам о мощи державы Романовых. Особо выделены соединение и взаимовлияние символов непобедимости русского оружия и монархической идеи, ранжирование фигур отечественного военного пантеона. Кроме того, гвардейский корпус представлен как площадка для демонстрации географической обширности государства — важной составляющей понятия величия и силы. Империя, расширявшая свои границы в XVIII–XIX вв. во всех географических направлениях, особое значение придавала своим военным успехам на Западе, что демонстрируется на различных символических площадках Санкт-Петербурга. Второй кейс — столичные кладбища как площадка для демонстрации имперского характера города на Неве. Кладбища, равно как и культовые сооружения столицы России, настойчиво напоминали о национальном и вероисповедном разнообразии подданных царя, об огромных просторах государства.

Ключевые слова: *Санкт-Петербург, империя, символика, гвардия, кладбище*

При всем разнообразии существенных признаков понятия «империя» неизменными остаются тезисы о географическом величии, о военной мощи и о многонациональном составе населения.¹ Большая территория (если это не бесплодная пустыня) может обеспечить природными ресурсами многочисленное население. До начала XX столетия главным мерилом военного потенциала являлось число штыков, и потому присоединение земель означало прирост призывного контингента. В свою очередь, военная мощь позволяла вести активную внешнюю политику, одним из следствий которой было «приращение земель». Расширение границ вело к тому, что пространство внутри этих воображаемых линий оказывалось населенным разными народами.

Россия отвечала всем указанным параметрам: она имела обширную территорию, огромную армию и силой оружия включила в свой

состав десятки народов и народностей, исповедовавших различные религии. Все это вместе взятое способствовало появлению особого символического продукта — «имперской гордости», состоящей из презентационных знаков обширности державы, ее военной мощи и «покорения племен».

Каким образом Санкт-Петербург — административный центр России — демонстрировал этот продукт? Для ответа на этот вопрос рассмотрим два кейса, условно называемых «казарма» и «кладбище». В первом случае в фокусе внимания — военная составляющая, во втором — комплекс феноменов, относящихся к «культуре смерти».

Петербург являлся идеальной площадкой для презентации российского исторического мифа, в том числе его военной составляющей, служившей прежде всего для глорификации национального (имперского) исторического опыта и формирования национальной (имперской) идентичности. Едва ли можно было найти иностранца, посетившего Россию в XVIII — начале XX вв. и проложившего свой маршрут в обход града Петрова, стоявшего почти на государственной границе. Здесь располагался дипломатический корпус, царский двор, высшие и центральные органы государственного

¹ См.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005.

управления. Петербург в наибольшей степени отвечал требованиям комфорта своего времени, служил «витриной» России.

Александр Сергеевич Пушкин в поэме «Медный всадник» не случайно назвал Петербург военной столицей. Город на Неве был буквально переполнен военными реалиями и военной символикой. В начале XX столетия гвардейский корпус, составлявший основу гарнизона, по численности превосходил армии некоторых европейских государств. В столице империи находились штабы разных уровней и тыловые структуры, все существовавшие к началу XX в. военные академии, несколько военных училищ, различные специальные учебные учреждения армии и флота.²

Империя «отражалась» в названиях частей российской армии (Киевский, Варшавский, Эстляндский, Апшеронский, Камчатский, Крымский и прочие полки, носившие «географические» имена). В гвардейском корпусе это имперское «отражение» выглядело не столь ярким, но все же заметным (Финляндский, Литовский и Волынский полки). Кроме того, о протяженности державы от Азовского моря до Тихого океана говорили названия казачьих войск, чины которых были представлены в лейб-гвардии Сводном казачьем полку, где служили казаки Астраханского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск. Отдельные части представляли Донское, Кубанское, Терское и Уральское казачьи войска.³

В 1813–1814 гг. в Европу под российскими знаменами вошли калмыцкие, башкирские и татарские конные полки, которые, наряду с казаками, произвели сильное впечатление на жителей Германии и Франции. Александр I располагал достаточным количеством легкой кавалерии, и появление «азиятцев» на берегах Рейна и Сены следует расценивать как демонстрацию того, что за спиной русского царя — не только миллионы православных землепашцев, готовых взять в руки мушкет, но и восточные кочевники, не выпускавшие из рук саблю со времен Аттилы. Можно предположить, что эффективность этого «послания» позволила отказаться от включения башкир и калмыков в состав «презентационных формирований» и ограничиться представителями

Крыма и Кавказа, включение которых в состав России было воспринято равнодушно не во всех европейских столицах. Требовались выразительные знаки безвозвратности перехода этих регионов под царский скипетр. Вероятно, с этой целью Николай I в 1827 г. подписал указ о формировании Крымско-татарского эскадрона, постепенно уменьшавшегося в численности и окончательно упраздненного в 1891 г. С 1828 по 1881 гг. «покорный» Кавказ в столице был представлен лейб-гвардии Кавказско-горским эскадром, где служили уроженцы Грузии, Кабарды, Чечни, Ингушетии, Дагестана и Азербайджана.⁴ С 1829 по 1905 гг. в составе гвардейского корпуса состоял Финский стрелковый батальон, комплектовавшийся из уроженцев «страны тысячи озер».

До открытия Николаевской железной дороги в 1851 г. основные пассажиропотоки шли через столичный порт и по почтовым трактам. Прибывающие и отбывающие морем видели гранитные форты Кронштадта, боевые корабли Балтийского флота. Украшения Нарвского и Московского шоссе служили одноименные триумфальные ворота, напоминавшие о победах над французами, персами, турками и поляками. От Знаменской площади перед Московским вокзалом открывался вид на Александро-Невскую лавру, куда еще Петром Великим были перенесены мощи Александра Невского — знаменитого новгородского князя, ставшего одним из важнейших имперских символов, знаменем победоносной войны православия с «латинством». При обращении взора в другую сторону приезжий видел золоченый фрегат на шпигеле Адмиралтейства, служивший знаком того, что сильный флот — столь же необходимый атрибут империи, как и мощная сухопутная армия. Не случайно при обсуждении вопроса о развитии морских сил одним из главных аргументов было «поддержание статуса великой державы».⁵

Прибывавшие на Витебский вокзал видели величественный Введенский собор, игравший роль полковой церкви лейб-гвардии Семеновского полка. Собор являлся уменьшенной копией храма Христа Спасителя в Москве. В нем

² См.: Россия. 1913 год: статистическо-документальный справочник. М., 2000. С. 113–117.

³ Висковатов А. В. Хроника Российской императорской армии. СПб., 1852. С. 67–69.

⁴ См.: Собственный его императорского величества конвой. М., 2004; Петин С. Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1899.

⁵ Афанасьев Г. Ю. Воссоздание российского императорского флота в дебатах III Государственной Думы и общественных дискуссиях 1906–1912 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2010.

были похоронены фельдмаршал П. М. Волконский, три командира части и 26 офицеров, погибших в 1914–1917 гг. От площадей перед Варшавским и Балтийским вокзалами открывался вид на синий купол Троицкого собора, служившего полковым храмом лейб-гвардии Измайловского полка. Кроме икон и традиционного убранства, прихожане любовались знаменами этой прославленной части, трофейными турецкими знаменами, ключами от турецких крепостей. На стенах помещались мраморные доски с именами офицеров-измайловцев, погибших в боях с французами в 1805–1814 гг. В 1886 г. перед собором поставили Колонну славы, изготовленную из захваченных турецких орудий в честь 10-летия победы в войне 1877–1878 гг.

Забалканский проспект (ныне Московский) был назван в честь перехода русской армии через этот природный рубеж во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В эту магистраль упираются семь улиц, которые до 1923 г. именовались ротами Измайловского полка, поскольку с первой трети XVIII в. в этом районе располагалась эта гвардейская часть. При дальнейшем движении в северном направлении на пути оказывалась Кадетская линия, Конногвардейский переулочек, Конногвардейский бульвар, Офицерская, Галерная и Большая Офицерская улицы.

Потребности гарнизона в площадках для строевой подготовки, устройство открытых пространств перед укреплениями стали причиной того, что в Петербурге образовалось несколько незастроенных участков, рождавших ощущение простора: Семеновский плац, Марсово поле, плац Финляндского полка на Васильевском острове, плац Гренадерского полка, поле для занятий кавалеристов у Обводного канала, учебный двор гвардейской артиллерии в районе Литейного проспекта, плацы еще нескольких частей столичного гарнизона, эспланады Адмиралтейства, Кронверка, Михайловского замка.

Имперским смыслом был наполнен архитектурный ансамбль Дворцовой площади: по движению солнца располагались корона — армия—гвардия—флот (Зимний дворец — Главный Штаб — штаб гвардейского корпуса — Главное Адмиралтейство). Ось этой символической системы — Александровская колонна, памятник самой великой победы империи в самой великой ее войне. На вершине этой оси — ангел, обнимающий крест, но внимательный

глаз неизвестного петербуржца заметил, что крылатая фигура своим движением напоминает grenадера, жонглирующего мушкетом:

В России дышит все военным ремеслом,
Здесь ангел делает на караул крестом.⁶

Крещенский парад «у Иордани» на Неве, майский парад на Марсовом поле, выход гвардии на маневры в Красное село, орденские и полковые праздники (более 20 в год!) были не только датами гарнизонного календаря, они придавали всему городу дух военного лагеря. Полки и военно-учебные заведения располагались практически во всех частях города, воинские караулы охраняли наиболее важные государственные учреждения. Поэтому обыватели волей-неволей просыпались под звуки горнов и барабанов, под командные возгласы, мелодии полковых маршей и грохот солдатских сапог по мостовым.

Эта военная составляющая имперского облика столицы теснейшим образом переплеталась с монархической идеей. В дни празднования 300-летия Дома Романовых печать настойчиво внедряла в сознание россиян мысль о том, что славными победами и величием страна обязана своим правителям. «История еще на заре веков связала неразрывными нитями работу Царя и воина. Триста лет тому назад прекратилось смутное время на Руси. Голосом народной души и милостью Божьей на престол Московского Государства воссели Романовы и вместе со скипетром и державой подъяли русское Государственное знамя и Государственный меч. С тех пор строительство русского государства связано неразрывно с устройством вооруженных сил России. И если историей армии является история ее вождей, то история Царственных Вождей нашей армии разворачивает перед нашими умственными взорами самые славные страницы и нашей военной истории»,⁷ — писал в «Русском инвалиде» популярный публицист Н. Богаевский. Важной частью юбилейных торжеств 1913 г. стала закладка памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему, главнокомандующему во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На этой церемонии присутствовала не только вся царская семья, но также послы Сербии, Болгарии и Румынии.⁸

⁶ Русская эпиграмма. XVIII — начало XX века. Л., 1988. С. 369.

⁷ Богаевский Н. Высокие примеры служения царей // Русский инвалид. 1913. 21 февр., № 42.

⁸ См.: Закладка памятника генерал-фельдмаршалу Великому князю Николаю Николаевичу // Русский инвалид. 1913. 20 февр., № 41.

Если схематично характеризовать оценки российских самодержцев в отечественной историографии и в массовом сознании, то «отлично» выставлено Петру I и Екатерине II, «хорошо» (хотя и с минусом) — Александру II, «удовлетворительно» — Елизавете Петровне, Александру I, а «неудом» наказаны Анна Иоанновна, Петр III, Павел I, Николай I, Александр III и Николай II. Если на эту шкалу оценок наложить «летопись» войн России и картинку этих войн, сформированную культурной памятью, то получится весьма показательный результат. Петр Великий и Екатерина Великая представлены в культурной памяти великими победителями (виктории в столкновениях со шведами, турками и персами, предрешение и решение «польского вопроса», создание мощной армии и флота, значительное расширение пределов империи). Александр II победоносно завершил Кавказскую войну, одолел турок, чем фактически решил «восточный вопрос», и, наконец, присоединил к империи Среднюю Азию. Остальные монархи «пострадали» из-за того, что либо их военные предприятия заканчивались неудачами, либо главным героем соответствующей главы мифа становился другой (например, М. И. Кутузов в 1805–1812 гг.), либо победоносная война по каким-то причинам «не вписывалась» в это героическое повествование.

Последние слова во многом объясняют «военно-коммеморативный провал» Николая I. Он начал царствование с победы над персами, продолжил разгромом турок, затем пресек попытку поляков восстановить суверенитет, убедил венгров в невозможности получить независимость, спас турецкого султана от мятежного египетского паши. При этом правителе Россия значительно раздвинула границы в Закавказье, убедила Турцию и Персию в тщетности их надежд на реванш. Однако катастрофа Крымской войны наложила на образ Николая I печать поражения. На памятнике в Санкт-Петербурге царь изображен в парадном мундире (он был мастером парадов, а не полководцем), а на постаменте ни один из четырех барельефов не напоминает о выигранных войнах: представлено только подавление восстания декабристов, усмирение холерного бунта, издание Свода законов Российской империи и строительство железной дороги.

Величайшим полководцем имперской (и постимперской тоже) России признан А. В. Суворов. Памятник ему — сгусток имперской

символики. Это первый в России монумент, воздвигнутый в 1801 г. некоронованной особе. Он установлен на Марсовом поле — главной сцене для публичной презентации российской военной мощи. Фигура совершенно лишена портретного сходства: полководец изображен в образе Марса — бога войны. Бронзовая фигура прикрывает мечом и щитом с российским гербом короны Неаполитанского и Сардинского королевств, а также тиары папы римского.⁹

Петербург стал центром памяти о Суворове. При праздновании 100-летия со дня смерти полководца здесь был основан музей, ставший не только собранием реликвий, связанных с его именем, но и местом сосредоточения различных экспонатов, посвященных победам русского оружия.¹⁰ Одной из важнейших особенностей празднования юбилея явилось то, что он стал поводом для прославления Екатерины II, которая создала условия для побед русского оружия во второй половине XVIII столетия. Аналогичная картина наблюдалась и в 1912 г., когда сквозь образ полководца Кутузова отчетливо просматривался образ Александра-победителя.

Фельдмаршал П. А. Румянцев (1725–1796) оказался в «исторической тени» Суворова. Несмотря на периодические попытки «повысить» статус этого великого полководца в отечественном военном пантеоне, он явно уступал в известности М. И. Кутузову, П. И. Багратиону, М. Б. Барклаю-де-Толли, М. И. Скобелеву, И. Ф. Паскевичу, А. П. Ермолову, С. О. Макарову. Хотя монумент «Румянцева победам» был поставлен еще в 1799 г., позднее его «понижили в ранге», перенеся памятник в 1818 г. с главной военно-парадной арены столицы на плац перед 1-м кадетским корпусом (это место никак нельзя назвать престижным и (или) посещаемым).

В Санкт-Петербурге все места памяти, связанные с московским периодом истории России, посвящены Александру Невскому, который приобрел статус небесного покровителя города, стал частью городского мифа. При этом образ легендарного новгородского князя-воина в XVIII–XIX вв. играл важную роль в имперском дискурсе коллективной идентичности.¹¹

⁹ См.: Гусаров А. Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб., 2010.

¹⁰ См.: Меерович Г. И. Музей А. В. Суворова: историко-краеведческий очерк. Л., 1981.

¹¹ См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 194–203.

Полтава уже в день самой битвы стала одним из паролей российской воинской славы, но само место эпохальной битвы было включено в коммеморативный процесс только во второй половине XIX столетия. Все прочие знаки, посвященные памяти о победе над шведами, сосредоточились в Петербурге: спуски на воду кораблей с именем «Полтава» (в 1712, 1743, 1754, 1808, 1829, 1894, 1914 гг.), строительство по царскому указу церкви Св. Сампсония Странноприимца (1710) в честь победы под Полтавой, аллегорическая скульптурная группа в Петергофе «Самсон, разрывающий пасть льву» (1735), эпизодические празднования годовщин сражения. Культ Петра Великого в России был одной из незыблемых основ государственности, и одной из составляющих этого явления стало прославление ратных успехов царя. В 1909 г. двухсотлетний юбилей победы над войсками Карла XII во многом выглядел как чествование Петра I. Председатель специальной межведомственной комиссии по подготовке юбилейных торжеств генерал А. Бильдерлинг называл царя спасителем: «Как Дмитрий Донской на Куликовском поле, так Петр Великий под Полтавой спас честь России и положил основание могуществу Российской империи. Поэтому Полтавский бой, якобы названный Петром “Русским Воскресеньем”, является для нас национальным праздником».¹²

Традиция соединения религиозной, погребальной и военно-коммеморативной составляющих была заложена еще при Петре Великом и сохранялась на протяжении всего имперского периода. В церкви Св. Сампсония Странноприимца висели шведские знамена, взятые при Полтаве. Пантелеймоновская церковь стала мемориалом в честь побед при Гангуте в 1714 г. и Гренгаме в 1721 г., поскольку русский флот добивался успехов в день Святого Пантелеймона-целителя. В центре города, на его главной артерии — Невском проспекте, в 1811 г. началась служба в Казанском соборе, ставшем храмом-памятником Отечественной войны 1812 г. Здесь был похоронен Кутузов; перед храмом установлены памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли; в самом соборе хранились трофейные знамена и ключи от взятых крепостей; иконостас был изготовлен из серебра, отбитого у французов в 1812 г. В церкви

Михаила Архангела лейб-гвардии Московского полка царские врата были украшены деталями, на которые пошло серебро, отбитое солдатами этого полка у французов. Знамена и различные регалии, напоминавшие о ратных заслугах гвардейских частей, а также доски с именами погибших украшали стены Благовещенской церкви (лейб-гвардии Конный полк), церковью правоверных Захарии и Елизаветы (Кавалергардский полк), Свв. Космы и Дамиана (лейб-гвардии Саперный батальон), Св. Мирона (лейб-гвардии Егерский полк), Св. Спиридона Трифунтийского (лейб-гвардии Финляндский полк), Преображения Господня (лейб-гвардии Гренадерский полк), Св. Троицы (145-й Новочеркасский полк). Вокруг Преображенского всей гвардии собора была установлена ограда из турецких пушек — трофеев войны 1828–1829 гг.

«Имперским текстом» был и памятник великому князю Николаю Николаевичу Старшему, установленный на Манежной площади в 1913 г. Кроме демонстрации важной роли представителей Дома Романовых в приращении ратной славы державы, монумент содержал еще несколько посланий. Во-первых, среди фигур «соратников» есть М. И. Скобелев, ставший одним из знамен славянофилов и вообще всех патриотов, а также «покорения» Туркестана. На другом горельефе изображено пять знаменосцев — русский, серб, черногорец, болгарин и румын, воспринимавшихся как символ боевого единства православных народов.¹³ В официозе военного ведомства газете «Русский инвалид» так говорилось о значении этой композиции: «Памятник этот... явится ... новым памятником величия и славы России, столь победоносно в течение веков борющейся за освобождение славянских народов... Каждый, кому дорога военная мощь России и кому дороги ее славные представители, выразители этой мощи, невольно остановит взор на выдающейся личности фельдмаршала».¹⁴

Российская империя была ориентирована на Запад. Только европейский человек «читал» символические послания. Все движение России на Восток в ее столице отразилось в памятнике Н. М. Пржевальскому, который без должных на то оснований (наибольшую заинтересованность в его экспедициях проявлял

¹² 200-летие Полтавской битвы // Русский инвалид. 1909. 22 янв., № 20.

¹³ См.: Сокол К.Н. Монументальные памятники Российской империи: каталог. М., 2006.

¹⁴ Фельдмаршал великий князь Николай Николаевич Старший // Русский инвалид. 1910. 16 сент., № 201.

Генеральный штаб) исключен из списка военных монументов.

Кончина любого человека, его похороны и связанные с этим ритуалы отличаются высокой эмоциональной нагруженностью, актуализирующей родственные и корпоративные связи. В зависимости от известности усопшего проводы его в последний путь становятся общественно значимым событием соответствующего масштаба, а его могила — особым местом памяти сакрального характера. «Многовековая церковная традиция придавала духовный смысл всему кругу обрядов, связанных с тайной смерти, погребением и поминовением умерших, уходом за могилами».¹⁵

«Ранжирование» кладбищ — выделение различающихся по престижности мест захоронения — вело к периодическому «припоминанию» лиц, имевших право именоваться строителями империи, поскольку участники печальной церемонии волей-неволей оказывались рядом с их могилами.

Для того чтобы признаваться столичным городом, а не «небылицей», Санкт-Петербург должен был иметь не только дворцы, казармы и соборы, но и «знатные» некрополи. Первым сослужил Петру I такую «службу» после своей смерти в 1719 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев. Царь приказал перевезти его останки из Москвы на берега Невы и устроил своему соратнику пышные похороны. В Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры, где теперь находится могила этого «птенца гнезда Петрова», затем были погребены многие известные люди разных эпох. До конца имперского периода могила в Александро-Невской лавре являлась неоспоримым признаком того, что человек в своей земной жизни был в числе «сильных мира сего». Специалисты по историческим некрополям отмечают широкое распространение греческих и римских мотивов в оформлении могил в петровское время с закреплением этой традиции в XVIII–XIX столетиях.¹⁶

Петербург являлся «имперским кладбищем» во многих смыслах. Прежде всего, здесь были преданы земле останки российских царей, начиная с Петра Великого, и почти всех членов Дома Романовых, скончавшихся до 1917 г. В Александро-Невской лавре и в Казан-

ском соборе похоронены полководцы, бесспорно занимающие высшие места в отечественном военном пантеоне, — Александр Невский, А. В. Суворов и М. И. Кутузов. Заслуживает внимания то обстоятельство, что знаменитый новгородский князь в московский период русской истории был главной фигурой в противостоянии «враждебному Западу», уступая эту роль в отношении «враждебного Востока» князю Дмитрию Донскому.¹⁷ Виктории Кутузова в трех русско-турецких войнах (1768–1774, 1787–1791 и 1806–1812) находятся в тени его ослепительной славы победителя Наполеона и в его многочисленных биографиях представляются своеобразной «прелюдией». Аналогичную картину мы видим в биографии Суворова: самым знаменитым из его воинских достижений в культурной памяти России является переход через Альпы в 1799 г. В работах же отечественных историков военного искусства победы над французами при Треббии и Нови ставятся фактически в один ряд с эпохальными победами над турками при Рымнике, Кагуле и Мачине.

Имена государственных деятелей и полководцев во всех траурных церемониях — от пышных похорон, принимавших характер важного публичного мероприятия, до посещения могилы близкими людьми — неизбежно вызывали воспоминания «имперского характера» (походы, бои, служба на национальных окраинах России и т. д.).

Включение в состав империи мусульманских территорий и «магнетическое» воздействие столицы привели к тому, что уже в XVIII в. возникла потребность в устройстве особого кладбища для мусульман. Ранее их хоронили вместе с православными, католиками и протестантами на погосте возле церкви Св. Сампсония Странноприимца. Святой Сампсоний, живший в V в., прославился добротой к пришельцам, предоставляя им еду и кров. Есть основания предполагать, что именно этим руководствовались городские власти при выборе места для последнего пристанища всех, кого смерть застала в Петербурге, вне зависимости от их вероисповедания. Здесь покоятся такие знаковые для истории России петровского периода фигуры, как архитекторы Д. Трезини, А. Шлютер, Ж. Б. Леблон, Н. Ф. Гербель, скульптор Б. К. Растрелли, первый президент Петербургской Академии наук Л. Л. Блюментрост, фельдмаршал Б. Миних и др.

¹⁵ Исторические кладбища Петербурга: справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 5.

¹⁶ Пириотко Ю. М. Надгробные памятники: стиль, мастера, заказчики // Исторические кладбища Петербурга. С. 65–67.

¹⁷ Шенк Ф. Б. Указ. соч. С. 255.

Но только лишь военная мощь государства, представленная в различных формах реальности (конные и пешие полки, артиллерийские батареи, крепостные бастионы, боевые корабли), а также в символических формах (парады, памятники полководцам и выигранным войнам, празднование юбилеев былых побед и т. д.), не являлась в «просвещенный век» достаточным основанием для представления России империей, а Санкт-Петербурга — имперской столицей. Требовались еще, как минимум, две «точки опоры» — богатство (торговля и промышленность), а также «торжество духа» в светском его понимании (наука, образование, искусство). И здесь так же, как и в военной сфере, вещественные доказательства материального и духовного процветания России дополнялись символическими актами. Строительство промышленных предприятий, транспортных объектов, торговых центров, открытие театров и музеев сопровождалось разного рода символическими действиями: прославлением предпринимателей, промышленников, «российского купечества», празднованием юбилеев культурных событий и мастеров искусств. Захоронение в 1826 г. Н. М. Карамзина на Лазаревском (Тихвинском) кладбище Александро-Невской лавры, где ранее находилось место только для «сильных мира сего», стало важным сигналом того, что литература, скульптура, живопись, музыка являются не менее значимыми, чем ратные успехи или блистательное управление каким-либо гражданским ведомством. Позднее на этом кладбище упокоились А. П. Бородин, В. А. Жуковский, Ф. М. Достоевский, И. А. Крылов, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский. Северо-восточная часть Волковского православного кладбища стала местом погребения многих деятелей отечественной культуры: А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова.

Во второй половине XVIII в. на карте столицы появилось еще одно «имперское кладбище» — Волковское, где рядом с православным участком располагались старообрядческий, единоверческий, лютеранский, мусульманский (суннитский) и еврейский участки (с 1802 г.). После закрытия Сампсониевского кладбища основным местом захоронения столичных мусульман стало Волково кладбище (с 1827 г.), устроенное по ходатайству муллы гвардейского корпуса Джангира Хантемирова. В 1847 г.

было выделено несколько десятков квадратных саженей для мусульман-шиитов. В 1858 г. в Санкт-Петербурге впервые умер караим. Место для него и для его единоверцев также нашлось на Волковском кладбище. По той же схеме выделения особых участков для представителей всех конфессий было устроено и Преображенское кладбище (в Обухово) — с православной церковью, синагогой, костелом, лютеранской церковью, в 1875 г. на этом кладбище был выделен участок для мусульман.

Приглашение на службу большого количества иностранных специалистов из Европы, включение в состав империи Прибалтики и Финляндии стали причиной того, что в столице уже в 1748 г. образовалось большое Смоленское лютеранское кладбище, занимавшее в 1917 г. площадь около 15 га. На Митрофаньевском кладбище также был участок для лютеран, большинство которых составляли финны.

В 1714 г. католики, проживавшие в городе, получили разрешение на строительство костела. Затем в столице было построено еще 6 римско-католических церквей и несколько часовен. После присоединения земель бывшей Речи Посполитой последователи Римско-католической церкви, ставшие подданными российского императора, исчислялись миллионами. Сначала представители этой конфессии покоились на Сампсониевском погосте, затем их стали хоронить на Смоленском и Волковском лютеранских кладбищах, и только в 1856 г. появилось отдельное католическое кладбище на Выборгской стороне, где до начала 1920-х гг. было похоронено около 100 тыс. человек.

Рассматривая петербургские кладбища через «имперскую призму», можно видеть, с одной стороны, демонстрацию конфессионального и национального разнообразия (мусульманские кладбища в обиходе обычно называли татарскими, лютеранские — немецкими). С другой стороны, очевидна обособленность национальностей и вероисповеданий: символично, что поляки добились уже на закате империи открытия «своего» кладбища в Петербурге; финны также старались отделять своих покойников от других усопших лютеран.

Культовые сооружения столицы России, как и кладбища, настойчиво напоминали о национальном и вероисповедном разнообразии подданных царя.

Кроме нескольких десятков православных церквей, верующие в Единого Бога могли помолиться в двух армянских церквах (открыты

в 1772 и 1793 гг.), в Большой хоральной синагоге (1893), в Доме омовения и отпевания на Преображенском кладбище, в десятке лютеранских церквей и часовен, расположенных в административных границах Петербурга, и в пяти десятках культовых сооружений, находившихся в ближних и дальних пригородах северной столицы (от Парголово и Красного Села до Луги и Выборга). Единоверцы (раскольники, согласившиеся признать главенство Святейшего синода Русской православной церкви на условиях сохранения их обрядности) могли помолиться в специально открытой для них единоверческой церкви Св. Николая Чудотворца. Имели возможность открыто помолиться в своей церкви и представители староверов различных согласий. В городах России было построено несколько десятков армянских церквей, но Армянская же церковь в Петербурге была не просто местом моления для определенной конфессии, но одновременно и символом распространения российского влияния на Кавказе.

Была в Петербурге и Греческая церковь, освящение которой состоялось в 1865 г. Одним из главных праздников, отмечавшимся в этом соборе, было Благовещение Пресвятой Богородицы — день провозглашения независимости Греции. Сам собор был монументальным напоминанием о роли России в освобождении греческого народа от османского ига.¹⁸ Не случайно на церемонии его освящения присутствовал министр иностранных дел А. М. Горчаков.

В дни торжеств по поводу 300-летия Дома Романовых в столице состоялось первое богослужение в единственном в Европе буддийском храме и торжественное открытие самой крупной в Европе и в России соборной мечети

(21 и 23 февраля 1913 г. соответственно). Это было звучный и откровенный посыл о том, что Петербург — главный город империи, в которой мусульмане и буддисты являются такими же подданными, как и представители прочих конфессий. Примечательно, что соборная мечеть таких размеров и первый буддийский храм появились в Петербурге, а не в Москве, где потребность в культовых сооружениях такого типа была выше в связи с вероисповедным составом ее населения.

Имперские «знаки» создавали особую атмосферу, которую трудно измерить, поскольку не существует инструментария и единицы измерения для определения «символодавления». Перед петербургским обывателем ежедневно разыгрывался имперский «спектакль». В торжественных случаях (государственные праздники, важные церемонии и т. д.) это происходило помпезно, в обычные дни — приглушенно, но «декорации» оставались на своих местах, и «действующие лица», не снимая костюмов, занимались своими повседневными делами.

Воздействие визуальных впечатлений значительно усиливалось, если одновременно «включались» слух и обоняние, т. е. человек оказывался не только в интригующем пейзаже, но и в соответствующей акустической и ольфакторной атмосфере. И здесь главную роль играл не столько эффект «комплексности», сколько мощное эмоциональное воздействие звуков и запахов. Так, пушечная пальба, звуки полковых оркестров, барабанов, мерный топот воинских частей, запах пороха усиливали воздействие «военных» символов, которые были важнейшей составляющей в формировании представлений о городе на Неве как о столице великой державы.

Vladimir V. Lapin

Doctor of Historical Sciences, European University at St.-Petersburg; St.-Petersburg Institute of History of the RAS (Russia, St.-Petersburg)
E-mail: lapin.vv@yandex.ru

ST. PETERSBURG AS AN IMPERIAL CAPITAL

The article presents a study of imperial symbols in St. Petersburg on the basis of two cases conventionally labeled as the “caserne” and the “graveyard”. The author proceeded from the assumption of importance of such imperial symbols as military power, large territory and multi-ethnic population. In the first case the study focused on the way the characteristic features of the military capital (huge military garrison, urban space organization with the interests of this garrison

¹⁸ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 25 мая; 1865. 31 окт.

in mind, various elements of military subculture, toponymy, architecture, etc.) were used as constant reminder to both the Russians and the foreigners of the strength of the Romanov's power. Special emphasis was made on the combination and interdependence of symbols of invincibility of the Russian army and the idea of monarchy, as well as the ranking of personages in the Russian military pantheon. In addition the guards corps was represented as a platform for demonstration of the geographic expanse of the state — an important component of glory and power. The Empire, the borders of which expanded to all sides of geography in the 18th–19th centuries paid a particular attention to its military successes in the West, which was demonstrated in various symbolic platforms of St. Petersburg. The second case focused on the graveyards of the capital as a venue for demonstrating the imperial nature of the city on the Neva. Graveyards in the same way as other religious buildings of the Russian capital rather emphatically emphasized the ethnic and confessional diversity of the Tsar's subjects and the huge territory of the state.

Keywords: *St. Petersburg, empire, symbolics, guard, cemetery*

REFERENCES

- Afanasev G. Yu. *Vossozdanie rossiyskogo imperatorskogo flota v debatakh III Gosudarstvennoy Dumy i obshchestvennykh diskussiyakh 1906–1912 gg. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk* [Reconstruction of the Russian imperial fleet in debate of the Third State Duma and public discussions of 1906–1912. Avtoref. cand. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 24 p.
- Galushkin N. V. *Sobstvennyy ego imperatorskogo velichestva konvoy* [Own his imperial majesty escort]. Moscow: Reyttar Publ., 2004. 416 p. (in Russ.).
- Gusarov A. Yu. *Pamyatniki voinskoy slavy Peterburga* [Monuments of military glory of St. Petersburg]. St. Petersburg: Paritet Publ., 2010. 400 p. (in Russ.).
- Istoricheskie kladbishcha Peterburga. Spravochnik-putevoditel* [Historical cemeteries of St. Petersburg. Reference book guide]. St. Petersburg: Izdatelstvo Chernysheva Publ., 1993. 640 p. (in Russ.)
- Meerovich G. I. *Muzey A. V. Suvorova. Istoriko-kraevedcheskiy ocherk* [A. V. Suvorov's museum. Local history sketch]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1981. 152 p. (in Russ.).
- Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [The Russian Empire in a foreign historiography. Works of the last years: anthology]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2005. 696 p. (in Russ.).
- Russkaya epigrama. XVIII – nachalo XX veka* [Russian epigram. 18th – early 20th centuries]. Leningrad: Sovetskiy pisatel (Leningradskoe otdelenie) Publ., 1988. 784 p. (in Russ.).
- Shenk F. B. *Aleksandr Nevskiy v russkoy kulturnoy pamyati: Svyatoy, pravitel, natsionalnyy geroy (1263–2000)* [Alexander Nevsky in the Russian cultural memory: Saint, governor, national hero (1263–2000)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 589 p. (in Russ.).
- Sokol K. N. *Monumentalnye pamyatniki Rossiyskoy imperii: Katalog* [Monumental statues of the Russian Empire: Catalog]. Moscow: "Vagrius plyus" Publ., 2006. 423 p. (in Russ.).

К статье В. В. Лапина

Торжественное открытие Александровской колонны. Гравюра.
Л. П. -А. Бишебуа, А. Ж. -Б. Байо, 1836 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Вид на арку Главного штаба со стороны Дворцовой площади. Литография.
К. П. Беггров, 1822 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Костюмированный бал во дворце княгини Елены Кочубей
в честь императора Александра II 5 февраля 1865 г. Художник М. Зичи.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург